

по следам громких дел

**Читайте классические детективы Татьяны Степановой,
написанные по всем законам жанра:**

В моей руке - гибель
Звезда на одну роль
Венчание со страхом
Прощание с кошмаром
Темный инстинкт
Все оттенки черного
Зеркало для невидимки
Врата ночи
На randevу с тенью
Улыбка химеры
Готическая коллекция
Ключ от миража
29 отравленных принцев
Флердоранж - аромат траура
Молчание сфинкса
Родео для прекрасных дам
Дамоклов меч над звездным тронem
Рейтинг темного божества
Прощай, Византия!
Сон над бездной
Царство Флоры
Предсказание - End
Драконы ночи
Black & Red
Пир на закате солнца
Три богини судьбы
ДНК неземной любви
Душа-потемки
Тот, кто придет за тобой
Демоны без ангелов
Валькирия в черном
Когда боги закрывают глаза
Девять воплощений кошки
Яд-шоколад
Невеста вечности
Колесница времени
Падший ангел за левым плечом
Пейзаж с чудовищем
Грехи и мифы Патриарших прудов
Созвездие Хаоса

29 ОТРАВЛЕННЫХ ПРИНЦЕВ

ТАТЬЯНА
СТЕПАНОВА

Москва
2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С79

Оформление серии *С. Груздева*

Под редакцией *О. Рубис*

Степанова, Татьяна Юрьевна.

С79 29 отравленных принцев : [роман] / Татьяна Степанова. — Москва : Эксмо, 2019. — 352 с. — (По следам громких дел. Детективы Т. Степановой).

ISBN 978-5-04-100390-6

Яд — довольно редкое орудие убийства. А тут Екатерина Петровской, сотруднице пресс-центра, пришлось столкнуться сразу с двумя случаями отравления. Следы ведут в экзотический восточный ресторан «Аль-Магриб». Подозреваемых много: продюсер и муж эстрадной звезды Авроры Гусаров, плейбой Симонов, шеф-повар Поляков... Но прямых улик нет, а убийца меж тем «угощает» ядом третью жертву. Когда Катя догадывается, кто же он — безжалостный отравитель, звать на помощь поздно — надо действовать, ведь в его руках — четвертая жертва...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Степанова Т. Ю., 2019

© Оформление.

ISBN 978-5-04-100390-6

ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Глава 1

ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЬ ПРИНЦЕВ

На свете нет более коварной вещи, чем вкус миндаля. Изменчивый, изысканный, тревожный, нежный, горький, сладкий.

Опасный? Для кого как.

Вкус сдобного шоколадного детства, что было, прошло и больше не вернется.

Вкус смерти, что все равно придет, даже если стараться об этом не думать.

Вкус сказки, рассказанной на ночь, со смутным и, кажется, страшным концом.

Вкус миража в пустыне, песок которой так похож на муку, щедро сдобренную шафраном...

Человек в белом поварском колпаке добавил чайную ложку муки в лимонно-желтую пышную массу, энергично и быстро заработал мешалкой в глубокой фаянсовой миске. Попробовал — нет, масла действительно мало. Не стоит экспериментировать, надо строго придерживаться порядка, указанного в рецепте. Все сливочное масло, не деля, надо сначала смешать с молотым миндалем, а уж только потом добавлять в смесь сахарный сироп.

Сироп на плите как раз густел, доходил. Человек в белом поварском колпаке еще энергичнее заработал деревянной мешалкой, сбивая масляно-миндальное тесто. Нет, нет, в рецептах не следует ничего изменять. Особенно, когда дело касается столь легендарного блюда, как «Двадцать девять принцев».

Клиенты ресторана часто спрашивают: почему у неко-

торых блюд в меню такие странные названия? «Двадцать девять принцев»...

А все потому, что...

Человек в поварском колпаке прислушивается: из обеденного зала по громкоговорящей связи на кухню поступил очередной заказ. За стеной слышался ритмичный дробный звук — там рубили баранину. Сироп был готов, но ему следовало немного остыть. Человек в поварском колпаке отложил мешалку и направился к фруктовой горке кондитерского цеха.

На чистом разделочном столе ждали своей очереди свежeweымытые фрукты. Чего здесь только не было — взрезанные арбузы со спелой сочной мякотью, яблоки и груши, дыни, крупная, отборная клубника, зеленые и черные плоды инжира, только накануне вечером доставленные самолетом из Стамбула, бордовая азербайджанская черешня, розовый столовый виноград, апельсины, лимоны, румяные с одной стороны и травянисто-зеленые с другой плоды манго.

Человек в поварском колпаке отобрал на блюдо две пригоршни черешни. Затем вылил несколько ложек готового сиропа в маленькую кастрюльку, поставил ее на слабый огонь и опустил черешню в загустевший сироп. Сахар почти мгновенно окрасился сначала в нежно-розовый, а затем в пурпурный цвет. Остальной сироп человек в поварском колпаке начал осторожно, ложку за ложкой, добавлять во взбитую масляно-миндальную массу.

Размешивал и снова добавлял. Затем взял в руки миксер. Удобная, конечно, вещь, силы экономит, время. Но все же испокон веков «Двадцать девять принцев» готовили вручную, вооружась трудолюбием и стоическим терпением. Технический прогресс и разные там миксеры в кулинарии, увы, иногда только вредят качеству. Они подрывают основы ремесла, расшатывают традиции, упрощают сам процесс. Не давая взамен главного — вкуса. Это давно уже замечено. Как и то, что у знаменитых блюд, так же как и у старинных картин и драгоценных камней, всегда есть своя особенная история.

Человек в поварском колпаке положил на стол смазанный маслом тефлоновый противень, вылил на него взбитую массу, аккуратно разровнял лопаточкой. Повара в старом Марокко в подобных случаях всегда обходились каменными противнями. Их ставили на угли прямо в печь. Но древние технологии теперь интересуют одних лишь специалистов да ученых, а клиенты ресторана спрашивают всегда только об одном: почему этим маленьким, тающим во рту миндальным пирожным дано такое причудливое название? При чем здесь какие-то двадцать девять принцев?

А при том — человек в поварском колпаке задвинул противень в электродуховку и включил таймер, — при том, что почти восемь столетий назад эти вот самые пирожные со вкусом миндаля изменили судьбу целой страны, целого народа и династии. Кто-то давно, очень давно подметил, что вкус миндаля очень необычен и обладает уникальным свойством затмевать собой все другие привкусы. В том числе и горьковатый привкус некоего вещества, подсыпанного в готовое тесто.

В средневековом Марокко при дворе потомков султана Юсуфа Второго дворцовые перевороты случались то и дело. А в тот раз для того чтобы возвести на трон годовалого ребенка, ставшего впоследствии великим правителем Абу-Аль-Ханом, отравили всю правящую династию. Умерли все двадцать девять принцев Марракеша и один великий визирь. Все они вкусили на дворцовом обеде миндальных пирожных с засахаренной черешней. Таких же, как эти, точно таких же.

Человек в поварском колпаке вынул испеченный миндальный корж из духовки. Зажужжала специальная машинка-резак. И вот уже пирожные, украшенные засахаренными в сиропе ягодами, легли на глубокое фаянсовое блюдо с затейливым мавританским узором.

Заработала громкая связь: из обеденного зала на кухню поступали все новые и новые заказы. Время подходило к восьми вечера. Ресторан постепенно заполнялся посетителями. Человек в поварском колпаке поставил блю-

до с пирожными на сервировочный столик. На секунду его взгляд задержался на бело-пурпурных сдобных брусочках. Они были совершенны, но все же чего-то в них не хватало. Возможно, это была лишь прихоть разыгравшегося воображения, но...

Человек в поварском колпаке усмехнулся. Это настоящая традиционная восточная сладость. Но в ней не хватало крошечной щепотки цианида, чтобы можно было по достоинству оценить, что же такое есть истинный Восток на вкус.

Глава 2

НОЧНОЙ «ПАРАШЮТИСТ»

Стояла чудная ночь. Дым лесных пожаров, терзавший Москву вот уже два месяца, рассеялся. Придорожные фонари словно родились заново и стали снова фонарями, а не мутными светляками во мгле. Из дымной завесы появились дома, светофоры, неоновая реклама, автомобили и, главное, люди, пешеходы — слабые, несчастные, замученные едкой вонью, запуганные мрачными прогнозами Гидромета о значительном повышении концентрации угарного газа в атмосфере.

Москва робко оживала этой ночью, когда наконец подул западный ветер, отогнавший удушливый смог назад, в полыхавшие торфяными пожарами болота. В подмосковных Столбах в эту ночь воскресли не только люди, но и насекомые — комары, мошки, цикады. Никита Колосов — начальник отдела убийств ГУВД области — ощутил это одним из первых. Покинув стены Столбового отдела милиции, он тут же с головой окунулся в теплую летнюю ночь, озвученную переговорами милицейских раций и звонкими победными трелями цикад.

В свете яркого прожектора, укрепленного над входом в отдел, легкомысленным облачком вились комары. Нескольких особо изголодавшихся Никита прихлопнул у себя на щеке. В Столбах он задержался допоздна неслучайно. В область нежданно-негаданно нагрянула минис-

терская проверка. Эти проверки шли, словно тучи грозовым фронтом, и каждая несла в себе, как водится, самые новые организованные веяния. Комиссия уезжала, оставляя после себя неясный дух перемен и прогресса, проходило время, а затем приезжала новая комиссия, везя с собой уже самые-самые передовые веяния.

И так все потихоньку ползло и повторялось до бесконечности. Бывалые сотрудники вспоминали библейскую мудрость, вычитанную на досуге от скуки в популярной христианской брошюре, предназначенной для распространения среди задержанных ИВС, — то, что было, — это то, что будет. И нет ничего нового под солнцем.

Столбовой отдел милиции проверяющий чиновник из министерства выбрал для инспекции сам. Проверяли, как всегда, в основном криминальные службы. За Столбы Колосову особенно краснеть не пришлось. В Столбах испокон века все было тип-топ. И неудивительно: Столбы были небольшим уютным поселком городского типа — ужасно самостоятельным и независимым, потому что поселок прилегал непосредственно к Москве, граница на севере и востоке с микрорайоном Южное Бутово.

Столбы были районом новостроек: куда ни кинь взгляд — везде многоэтажки из кирпича и бетона. Район считался неплохим, экологически сносным, и жилплощадь здесь была не дешевой.

Проверяющий из министерства был сух, дотошен и въедлив. Но и его профессионального энтузиазма хватило только до одиннадцати вечера. В половине двенадцатого он изъявил желание проверить изолятор временного содержания и долго и нудно выспрашивал у сонных задержанных, кто за что арестован и удовлетворяют ли их условия содержания. Колосов проверяющему не мешал. Пришел он ему на помощь лишь в тот момент, когда контингент начал глухо материться. Проверяющий еще обследовал гараж и вольеры для служебных собак и наконец, уразумев, что время позднее и он просто мешает четвероногим помощникам милиции спать, сдался и попросил машину до Москвы.

Когда дежурная «Волга» умчала его по направлению к МКАД, начальник Столбового отдела милиции Константин Лесоповалов, бывший для Колосова вот уже десять лет просто Костей, предложил расслабить усталые нервы и махнуть к нему домой ужинать. Все домашние Лесоповалова — жена с пятилетней дочкой и теща — по причине задымленности атмосферы перекочевала на дачу, потому-то он и был так по-холостяцки гостеприимен.

Они с Никитой с аппетитом выпили, поели, обсудили проверяющего, построили несколько версий того, что тот в приступе профессиональной изжоги может написать про Столбы в своей инспекционной справке, затем махнули рукой на все неприятности — где наша не пропадала — и вышли на балкон перекурить это дело.

Лесоповалов жил в центре поселка в блочном доме на восьмом этаже. Напротив располагалась новенькая кирпичная девятиэтажка улучшенной планировки с широкими лоджиями. Часть их, как водится, была уже самостоятельно застеклена жильцами, но некоторые были незастеклены. Дома разделял узкий двор, засаженный молодыми деревцами и до отказа набитый машинами.

— Стоянку хотят делать охраняемую, — сказал Лесоповалов, кивая на кирпичную многоэтажку, — вон эти. Здесь. А наш ЖЭК упирается: наш, мол, двор — и баста. Вон пустырь, там и стройте себе на здоровье.

— Верно, пусть тут у вас хоть деревья малость подрастут, — согласился Колосов, чувствуя сентиментальный прилив нежности и к этому чужому двору, и к дому, и к тесной квартирке Кости Лесоповалова, и к их наспех, по-мужски неумело накрытому на кухне столу.

Ночь была просто блеск. Да к тому же еще и пятница, и в выходные не маячило никаких дежурств по Главку.

— Что тебе в Москву-то ехать, оставайтесь у меня, — предложил Лесоповалов, — завтра суббота, времени — вагон. Я тебя на диване устрою. Диван мягкий, на нем теща спит.

— Да тут на балконе хорошо, свежо. У тебя раскла-

душка есть? — Никита подумал — и верно. Чего в Москву ехать в половине третьего? — Скоро уж светать начнет. Ты прогноз на завтра слышал?

— Сказали: как сегодня. Но ветер вроде усилится. Может, дождь надует. Раскладушка у меня есть. Ну, давай на посошок — и на боковую?

Лесоповалов принес с кухни бутылку и стаканы. Уходить с балкона не хотелось — ветерок тянет прохладой. В кирпичном доме напротив все спят. Окна темные, только в двух-трех — свет.

— Вот люди, — Лесоповалов покачал головой. Волосы у него были светлые и подстриженные модным ежиком.

— Что? — спросил Никита.

— Да так. Тоже не спят. Дышат.

— Дышат?

— Ну да, кислородом запасаются. А может, влюбленные. — Лесоповалов мечтательно вздохнул. — Мы, помню, с Веркой моей, когда я только к ней ходить стал, тоже вот так до утра гуляли. До рассвета... А один раз у меня машина сломалась, оставили ее прямо на шоссе, пошли, а у Верки каблук у босоножки — крак — и сломался. Так она мне говорит: «Неси меня до дома на руках...» Ну, поднял и понес... Молодой был. Вспоминаю — вроде и не со мной все происходило. И жаль, Никита, так жаль чего-то... Верка хорошая, но... Характер у нее... И теща дражайшая тоже своего не упустит, в общем... Не так все стало, по-другому. И жаль. Ну а ты как?

— Что?

— Ну узами-то не надумал себя связать с кем-нибудь?

— Время терпит, Костя.

— И правильно. И не надо. — Лесоповалов сделал отчаянный жест, словно забивая кулаком гвоздь. — Поспешешь — людей насмешишь. Но с другой стороны... Красивые есть девочки, Никита. У нас тут одна, знаешь... Во-он ее окна.

— Где? — оживился Колосов.

— Вон, напротив в доме на седьмом этаже. — Лесопо-

валов ткнул в темноту, целясь в соседний дом. — Гимнастикой по утрам в лоджии занимается. Спортивная такая. И кажется, разведенная уже.

— Пошли за раскладушкой, — сказал Колосов.

И тут волшебную тишину ночи нарушил грохот — что-то где-то упало и разбилось.

— Чегой-то? — Лесоповалов остановился. — У кого это?

— Там, кажется, — Колосов указал на дом напротив. — Может, ящик с цветами сорвался? Или в квартире сервант грохнулся.

Напротив в одном из окон на восьмом этаже вспыхнул свет.

— Скандалят, что ли? — предположил Лесоповалов. — Нет, вроде тихо.

Они подождали секунд пять из чистого любопытства — нет, ничего. Дом спит. И пошли за раскладушкой. Пока вызволяли ее из чулана, пока Лесоповалов рыскал в поисках постельного белья, переложенного женой в другой ящик, Колосов взял выделенный другом матрас, и они вдвоем потащили раскладушку, белье, подушки на балкон. Никита уверял, что постелит себе сам. Но Лесоповалов твердил, что гостю — место и почет и что вообще не мужское это дело возиться с наволочками...

Шепотом споря, они выкатились на балкон, зацепились раскоряченной раскладушкой за косяк и...

Хриплый вопль потряс спящие дома. Вопль, а затем глухой удар чего-то тяжелого об асфальт.

От неожиданности они застыли на месте. Затем Никита перегнулся через перила — внизу, рядом с припаркованной белой «Нивой», вроде бы что-то темнело. В кирпичном доме в нескольких окнах вспыхнул свет.

— Мать моя командирша. — Лесоповалов тихонько присвистнул.

Никита посмотрел, куда он указывает: пятно света падало на асфальт из окон на втором этаже. И было отчетливо видно: рядом с белой «Нивой» лежит человек.

— Я вниз, а ты звони в «Скорую» и в отдел. — Колосов бросил раскладушку. — Может, живой еще.

— Глянь туда, — шепнул Лесоповалов, — вон там, на восьмом...

Рядом с освещенным окном на восьмом этаже в доме напротив виднелось окно с незастекленной лоджией. Пять минут назад, когда они уходили с балкона — Никита это хорошо помнил, — лоджия была темна. Сейчас же она слабо освещалась горевшим в комнате светом. И было там еще что-то очень странное — Никита не сразу понял, что это... Белая штора — ее словно выдуло через балконную дверь в лоджию. Короткий край ее нелепо свисал с ограждения лоджии, словно кто-то в последнем усилии цеплялся за тонкую ткань, пытаясь...

— Ты вниз, а я звонить нашим в отдел и туда, к ним на этаж, — скомандовал Лесоповалов. — Черт, у них ведь там домофон!

Колосов вылетел из квартиры. Одно его утешало и подбадривало: он еще не успел раздеться. А выскакивать на место происшествия без штанов — для начальника отдела убийств просто неприлично.

Труп во дворе осмотрели, подмогу вызвали, а вот в квартиру проникали с великим трудом. Подъезд был закрыт наглухо. Домофон молчал: пока Колосов возился с телом, Лесоповалов набирал коды по номерам квартир. Но то ли таких номеров не существовало, то ли код не срабатывал, по домофону никто не отвечал, и дверь не открывалась. Лесоповалов по мобильнику связался с отделом:

— Группу высылай на Октябрьскую. Да, прямо к моему дому. Тут человека, кажется, с балкона сбросили.

Колосов осторожно перевернул труп. Погибший был молодым мужчиной — лет тридцати на вид. Мускулистый, загорелый, хорошо сложенный шатен. Кроме плавок и серых спортивных брюк, на нем не было никакой другой одежды. Обуви на ногах не было тоже. Зато на запястье правой руки поблескивала массивная золотая цепочка-браслет.

То, что этот парень мертв и «Скорая» ему уже не нужна, стало ясно с первого взгляда. Никита тщательно осмотрел тело: освещение было плохим, но все же можно было понять, что ран и каких-либо иных телесных повреждений у погибшего нет. Никита заметил лишь ссадины на коже, появившиеся, скорее всего, вследствие удара тела об асфальт. Увидел он и тоненькую струйку крови, сочившуюся у погибшего из уголка рта.

— Готов? — мрачно спросил Лесоповалов. — Шею, наверное, себе сломал.

Никита проверил — он не был, конечно, судмедэкспертом, но, как ему показалось, шея у мертвеца была в порядке. Только вот...

— С мышцами у него что-то странное, — сказал он Лесоповалову. — Пощупай сам. Для трупного окоченения еще рано, а тело одеревенело.

— Я с такими «парашютистами», Никита, никогда дела не имел, — смущенно кашлянул Лесоповалов. — Откуда мне знать, каким надо быть, грохнувшись с восьмого этажа?

— На руки его посмотри внимательно. — Колосов осторожно приподнял руку мертвеца — рука почти не гнулась. Пальцы были скрючены, напоминая когти какой-то рептилии.

— Может, он печень себе отбил? — предположил Лесоповалов. — Сейчас врач приедет и... черт...

— Что еще там?

— У нас тут такой порядок — патологоанатом только на очевидный криминал выезжает. Во всех остальных случаях мы просто сразу тело везем в морг.

— Думаешь, он сам оттуда спрыгнул? Самоубийство? — Колосов взглянул вверх на дом, но там все тонуло во тьме, затем снова наклонился к телу: — Эх, фонарь в горячке забыли... Посвети-ка мне мобильником, я на зрочки его хочу глянуть.

— Может, наркоман? — Лесоповалов присел на корточки и сам начал ощупывать тело. — Точно, как чурка

весь, твердый. Эй, Никита, а может, он больной? Это, как его... столбняк или эпилепсия? Болезнь, а?

Подъехал милицейский «газик», в нем водитель и два дежурных опера.

— Если самоубийство, участкового надо поднимать — Хохлова. А мы в квартиру. — Лесоповалов снова подошел к железной двери подъезда и громыхнул в нее кулаком, более не рассчитывая на домофон. — Откройте, милиция!

— Эй, что бузите, молодежь?! — гневно выкрикнул из форточки наверху чей-то сиплый спросонья бас. — Который час, знаете? То из окон стулья швыряют, то горланят... Я вот милицию вызову!

— Мы уже тут, откройте нам дверь в подъезд, будьте добры! — Лесоповалов повысил голос.

— Открыть? Вам? А что случилось?

— Жилец ваш с балкона упал!

— Какой жилец?

— Да он над нами издевается! — вскипел Лесоповалов. — Вы что, русского языка не понимаете? Вы не хулиганьте, гражданин, откройте дверь представителям закона!

— Это вы хулиганите в три часа ночи! — огрызнулся гражданин наверху. — Милиция — ври больше давай. Я вот сейчас вам открою, а вы по квартирам шастать начнете. А у нас тут пол-дома на дачи уехало.

— Сегодня пятница. Многие еще с вечера на дачи отчалили, — сказал Колосов. — Эй, гражданин, да вы окно откройте, посмотрите, убедитесь, что мы не воры, а милиция!

— Так я тебе и открыл!

Дверь в подъезд отворила им сердобольная старуха с пятого этажа, разбуженная шумом. Не проснись она — все бы точно затянулось до утра.

— Если кто и был там с ним наверху, в квартире, кто ему выпасть помог, так он давно уже оттуда ноги сделал, пока мы тут орали-препирались, — с досадой заметил Лесоповалов.